

Что же такое наша совесть?

Пожалуй, нет человека, который не имел бы о ней ни малейшего представления. Хотя кто-то, наподобие Гитлера, считает ее химерой, кто-то комплексом, кто-то голосом Божиим, а кто-то внутренним стремлением к совершенству, но все они знают, что совесть **есть**.

С чем бы нам сравнить совесть? Давайте для начала сравним ее с зеркалом. Все мы пользуемся зеркалами. Но для чего? Для того, чтобы любоваться собой? Это имеет свое название – «нарциссизм». Так для чего же? Да, чтобы вид наш соответствовал нашему замыслу. В зеркале мы видим себя и имеем возможность устранить или хотя бы прикрыть недостатки. Т.е. зеркало – средство самокритики и возможность взглянуть на себя со стороны. Мы все стараемся следить за своим внешним видом. И это нормально. Исключение составляют юродивые и циники.

Юродивые Христа ради брали на себя подвиг отречения от всех мирских благ и, в первую очередь, от высшего – рассудка. Не в том смысле, что добровольно сходили с ума. Нет, с психикой у них все было в порядке. Они отказывались от мирской модели поведения, от ложно понятого «здорового смысла», обличая тем самым настоящее безумие – безумие мира, который, надеясь на свою мудрость, пренебрегает небесной Божественной Премудростью, остается непричастным ей.

Что касается циников, то под этим эпитетом сегодня следует понимать не последователей древней философской школы, а людей презирающих общественные нормы и чьи-либо святые чувства. Юродство Христа ради и цинизм – две крайности: первая по любви к Богу и состраданию к миру падшему и ослепленному своей мнимой мудростью, вторая крайность – от предельного эгоцентризма, гордыни и высокомерного пренебрежения мнением и чувствами окружающих.

Так вот, совесть – как зеркало, но зеркало двойное, в котором одновременно отражаются два наших образа: один идеальный, соответствующий Божию о нас замыслу, другой реальный со всеми «за» и «против». Но как состояние зеркала бывает разное – или стекло повреждено настолько, что лишь некоторые участки сохранились, или какое-то оно закопченное, а то и просто пыльное – так и совесть наша. У апостола Павла есть такое выражение: «сожженная совесть». Требуется наша совесть реставрации. А когда человек для этой цели призывает Божию благодать, тогда изображения в зеркале совести мало помалу становятся все яснее. Такие детали и оттенки начинают вырисовываться, которые никогда у самого совестливого атеиста не проявятся. Можно еще сравнить обычную совесть с обычным слухом, а совесть освященную – с музыкальным слухом. Кроме всего того, что воспринимает душевная совесть (естественная, плотская), совесть духовная (освященная)

охватывает еще и такое понимание вещей и событий, которое совесть, не облеченная «силою свыше», не в состоянии отразить.

Один из «столпов» психологии Эрих Фромм сказал: «Нет более гордого заявления, чем сказать: „Я буду поступать по совести”». Такое сказать – все равно, что декларировать свою непогрешимость, утверждая, что моя совесть настолько чиста, что я всегда и безошибочно ее слышу, и я настолько чист сердцем, что и не попытаюсь себя обмануть, но в точности исполню все ее веления. В дополнение великого психолога можно сказать, что нет и более глупого заявления. И не мудрено – *гордость оглуляет*. Как, впрочем, и любая страсть. Однако стремление жить по совести или прикрываться ею присуще почти всем людям. Почему? Потому, что совесть так же свойственна человеку как другие природные стремления. Более того, по утверждению того же Э. Фромма: «Человек – единственное существо, наделенное совестью. Совесть – это голос, зовущий его к самому себе, говорящий, что он должен делать, чтобы стать самим собой, позволяющий осознать истинные цели его жизни и те нормы поведения, которые необходимы для достижения этих целей... Если любовь можно определить как заботу и уважение своеобразия, неповторимости личности любимого человека, то гуманистическую совесть можно справедливо назвать голосом нашей любовной заботы о самих себе».

Во все времена существовали мыслители, пытавшиеся истолковать совесть как нечто относительное, формируемое средой, обусловленное временем, характером человека, а потому не заслуживающее столь пристального внимания и тем более послушания. Особенно настойчиво этот взгляд стал пропагандироваться, на почве теории эволюции. По остроумному замечанию протоиерея Е. Аквилонова: «Совесть служит отнюдь не храмом, в котором слышится голос Верховного Судии, а только музеем для хранения древних памятников». Именно так теория эволюции представляла совесть. Она тоже, якобы, *эволюционировала: ценности нравственные менялись на протяжении всей истории человечества, и будут меняться; и ничего неизблемого нет, никаких абсолютных ценностей, нету, стало быть, и абсолютного источника нравственности*.

Однако ничего подобного в природе не наблюдается. Если деревце пробивается навстречу солнцу сквозь асфальт – это именно потому, что оно имеет объективную цель – реально существующий источник света и тепла, питающий жизненную энергию растения. Так же и «если нет в душе искры Божией, то не из чего будет разгореться и пламени. Следовательно, человеческой душе прирождена способность к нравственному благородству... То явление, что упомянутое идеальное начало настойчиво утверждалось, несмотря ни на какие противодействия, свидетельствует в пользу сверхчувственной, независимой от влияния времени, мощи этого начала в человеке... Человеческое сознание, – с этим необходимо согласиться, – только постепенно уясняет себе смысл безусловно-

должного, но последнее само в себе незыблемо подобно гранитной скале, и имеет вечную ценность» (прот. Е. Аквилонов).

Совесть не следует путать со стыдом. Это похожее чувство, но, в отличие от совести, оно присуще и животным. При сравнении этих двух родственных чувств особенность совести лишь оттеняется. Стыд можно определить как страх. Страх несоответствия. Несответствия не только каким-то нравственным нормам, диктуемым совестью или внешним авторитетом, но и нормам, принятым в «своем кругу» относительно манер, стиля одежды, образовательного ценза, национальности и пр. Поэтому стыд бывает спасительный, а бывает погибельный.

Спасительным он является тогда, когда побуждает стыдиться самого греха, мобилизуя волю человека на борьбу с ним, или если уже падение состоялось – предпринять все необходимое для исцеления своей души.

Ложный или погибельный стыд – наоборот, побуждает не к исправлению, но к созданию видимости благополучия и соответствия (группе, имиджу и пр.). Ложный стыд побуждает забывать свои грехи, скрывать их на исповеди, лукавить, оправдывая зло, стыдиться своего происхождения (социального, национального и др.), своих родителей, своей бедности и т.д. Так что стыд сам по себе является не столько нравственным, сколько социальным чувством.

Можно сказать так, что совесть – это чувство ответственности перед самим собой, а стыд – чувство ответственности перед другими людьми. Стыд ориентирован во внешний мир, предполагает постороннего наблюдателя и возможность санкций. Вот, почему легче заглушить совесть, чем преодолеть чувство стыда: бесстыдство невозможно, пока существует реальная угроза возмездия за нарушение тех или иных норм, тогда как совесть глуши, души и никто этого не увидит и не услышит, и не накажет... Трудно совести без поддержки стыда выдерживать натиск всей порочности эгоистических стремлений падшего естества, вооруженных псевдонаучными теориями.

Вот почему бессовестных людей несравненно больше, чем бесстыдных. Пока человек стыдится, «что люди скажут (подумают)» он может показаться весьма совестливым, стоит лишь ему оказаться в ситуации, когда или никто не узнает, или «правильно поймет» – и поведение будет иным.

Только спасительный стыд способствует оживлению и развитию совести. Только совесть – достойная почва для стыда. Стыд можно квалифицировать как элемент совести, увеличивающий интенсивность ее действий.

По Э. Фромму (абсолютно нерелигиозный человек): «...Совесть – это голос, зовущий его к самому себе, говорящий, что он должен делать, чтобы стать самим собой, позволяющий осознать истинные цели его жизни и те нормы поведения, которые

необходимы для достижения этих целей». С этим трудно не согласиться. Но что мы знаем о том, кто есть человек, каковы «истинные цели его жизни», которые ему следует «осознать»?

Из Священного Писания мы знаем, что человек – образ Божий, его цель – уподобление Первообразу – святому Богу: через совесть человек призывается Богом к святости. Поэтому нашими учителями жизни по совести в первую очередь являются святые – люди, прославленные Церковью, как воплотившие идеал святости в наиболее совершенной степени, являющиеся нам примером для посильного подражания, предстательствующие о нас пред Богом. «Взгляды свв. отцов-подвижников, – пишет Л. Булыгин, – ценны тем, что они, занимаясь духовным подвигом, вскрыли и уяснили значение совести в деле нравственного возрастания и совершенствования человека».

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин говорил, что «Бог, сотворив человека, напечатлел в его природе знание закона – совесть. Если бы человек сохранил этот закон... не было бы необходимости позже давать другой, письменный». Закон обличает, тормозит, будит нашу совесть, пока она не очистится. Однако не стоит обольщаться на свой счет, если мы не чувствуем ее угрызений. «Должно внимать себе – не перестала ли совесть обличать нас не из-за нашей чистоты, но как бы утомившись» (прп. Иоанн Лествичник).

Совесть «едва ли может быть истреблена в ком совсем. Может она затмиться, поскольку не есть Бог, но не может истребиться, поскольку она от Бога» (митр. Платон (Левшин))...